

3

Я попытался осмыслить услышанное. Позже, анализируя свою реакцию, я понял, что мой мозг пытался справиться с обрушившейся на него информацией, которая противоречила логике по трем позициям.

Во-первых, формулировка *«мы беременны»* опровергает фундаментальные законы биологии. Она означает, что изменилось не только состояние Розы, но и *мое*. Розы никогда не сказала бы: «Он забеременел». Однако, если следовать букве ее сообщения, именно это и произошло.

Во-вторых, беременность мы не планировали. Розы упоминала возможное материнство в числе других факторов, побудивших ее бросить курить, но я посчитал, что она просто использовала такую вероятность в качестве дополнительного стимула. Более того, мы эту проблему внятно обсудили. Год назад, второго августа, за девять дней до нашего бракосочетания мы ужинали в Карлтоне (австралийский штат Виктория) в ресторане Джимми Уотсона на Лигон-стрит, и пара за соседним столом поставила рядом сумку для переноски младенцев. Розы в разговоре упомянула возможность того, что мы также обзаведемся потомством.

К тому времени мы уже приняли решение переехать в Нью-Йорк, и я сказал, что надо подождать с детьми до тех пор, пока она не получит медицинское образование и пройдет специализацию. Розы не согласилась — ей такая перспектива показалась слишком отдаленной. К тому моменту, когда она станет практикующим психиатром, ей будет тридцать семь. Я предложил как минимум подождать, пока она не закончит учебу на медицинском факультете. Диплом психиатра не критичен для клинициста в области психических расстройств, которым она собиралась стать, поэтому, если ребенок будет постоянно мешать ее занятиям, последствия

не окажутся катастрофическими. Не помню, чтобы она возражала. В любом случае для принятия такого важного решения необходимо:

1) обговорить варианты, такие как: отказ от продолжения рода; рождение определенного количества детей; поддержка одного или нескольких детей на благотворительных началах;

2) перечислить плюсы и минусы каждого варианта: как он скажется на свободе путешествий, на нашей работе. Следует учесть возможные разрушения и потрясения, которые нередко влекут за собой действия детей. Все эти факторы подлежат взвешенному обсуждению;

3) беспристрастно сравнить все варианты с учетом вышеизложенного;

4) разработать план по осуществлению задуманного, в ходе чего могут открыться новые обстоятельства, которые потребуют пересмотра пунктов 1, 2 и 3.

Очевидно, что создание компьютерной таблицы для исполнения пунктов 1, 2 и 3, а в случае их реализации пункта 4 — задача непростая, поскольку она должна решаться в ходе подготовки к появлению на свет нового человеческого существа с учетом его потребностей на много лет вперед. Здесь не обойтись без соответствующего программного обеспечения, но я не слышал о существовании готовой таблицы и диаграммы Гантта, пригодных для использования в проекте «Ребенок».

Третьим обстоятельством, противоречащим логике, было то, что Розы пользовалась противозачаточными таблетками, которые принимаются перорально раз в день. В случае соблюдения этой процедуры риск нежелательной беременности составляет менее половины процента в год. Непонятно, каким образом даже такой неорганизованный человек, как Розы, мог нарушить столь простые правила.

Я знаю, что не все так ценят планирование, как я, предпочитая, чтобы ход их жизни определяла воля случая. В том

мире, где живет Роза — *и частью которого я добровольно решил стать*, — допустимо использовать вульгарные психологические термины вместо научно обоснованных биологических понятий, можно радоваться непредвиденным поворотам событий, а также забыть принять важное лекарство. Три этих обстоятельства привели к тому, что действительность изменилась настолько, что проблема апельсинового сока и даже творческий отпуск Джина превратились в мелочи.

К этим выводам я пришел, разумеется, намного позже. Новость о беременности стала для меня сильнее стрессом. И он совпал с крайне шатким душевным равновесием, в котором я находился до этого. Последствия были неизбежны.

Потеря самоконтроля.

С тех пор как мы познакомились с Розой, такое случилось впервые. В последний раз я испытал нечто подобное, когда моя сестра Мишель умерла от не диагностированной вовремя внематочной беременности.

То ли оттого, что я стал старше и устойчивее, то ли потому, что подсознательно мне хотелось сбросить наши отношения с Розой, мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

— С тобой все в порядке, Дон? — спросила Роза.

Нет, со мной не все было в порядке, но говорить об этом я не стал. Все мои интеллектуальные ресурсы были брошены на выполнение плана действий в чрезвычайных обстоятельствах.

Знаками я показал Розе, что тороплюсь, и выбежал из квартиры. Лифт стоял на нашем этаже, но прошла вечность, прежде чем его двери открылись и потом закрылись за мной. Я наконец мог дать волю чувствам там, где не было опасности сломать что-нибудь или кого-нибудь поранить.

Если бы кто-то увидел, как я стучу кулаками по стенам лифта и кричу, он, без сомнений, счел бы меня сумасшедшим. Сомнений не возникло бы еще и потому, что я забыл

нажать кнопку первого этажа и уехал в подвал. Когда двери открылись, я обнаружил перед собой Джерома с корзиной для белья. На нем была футболка пурпурного цвета.

Хотя моя ярость не была направлена против него, Джером, судя по всему, этого не понял. Он схватил меня за грудки, пытаясь предотвратить нападение. Я среагировал рефлекторно, поймав его руку и вывернув ее. Он ударился об дверь лифта и вновь бросился на меня, на этот раз попытавшись нанести прямой в челюсть. Теперь я уже действовал не под влиянием эмоций, а по правилам боевых искусств. Увернувшись, я лишил Джерома возможности снова напасть. Он явно это осознал и ждал удара с моей стороны. Я не видел подобной необходимости, и отпустил его. Бросив корзину, он побежал вверх по лестнице. Мне требовалось покинуть замкнутое пространство, и я последовал за ним. Мы выскочили на улицу.

Сначала я бежал бесцельно, просто вслед за Джеромом, который все время оглядывался. Потом он нырнул в какой-то переулок, и в голове у меня прояснилось. Я повернул на север и двинулся в направлении Квинса.

Раньше мне не случалось добираться до квартиры Дейва и Сони пешком. К счастью, плутать мне не пришлось благодаря четкой системе нумерации улиц, которую, по-моему, надо в обязательном порядке ввести во всех городах. Минут двадцать пять я бежал в быстром темпе и, когда добрался до места и нажал кнопку домофона, уже весь взмок.

Ярость, которую я испытывал во время стычки с Джеромом, прошла, уступив место облегчению оттого, что я его не ударил. Эмоции захватили меня на какое-то время, но навыки боевых искусств не позволили им перехлестнуть через край. Это радовало, но на смену облегчению пришло ощущение полной безнадежности. Как я объясню свое поведение Розы? Я никогда не рассказывал ей о том, что у меня проблема с самоконтролем, и не делал этого по двум причинам.

1. Поскольку этого давно не повторялось, а уровень счастья в моей жизни значительно повысился, я думал, что, возможно, проблема осталась в прошлом.

2. Розы могла меня отвергнуть.

В нынешних обстоятельствах разрыв со мной выглядел как разумный шаг. У Розы были основания считать меня опасным и склонным к насилию человеком. А она ждет ребенка. От опасного и склонного к насилию человека. Это стало бы для нее ужасным открытием.

— Да? — раздался голос Сони из домофона.

— Это Дон.

— Дон? С тобой все в порядке?

Очевидно, по голосу и по отсутствию моего фирменного «Приветствую...» Соня догадалась, что что-то случилось.

— Нет, не в порядке. Произошла катастрофа. Сразу несколько катастроф.

Квартира Дейва и Сони больше нашей, и она уже была забита всякими детскими вещами. Меня внезапно поразила мысль о том, что местоимение «наша» в сочетании с существительным «квартира», возможно, более неприменимо.

Я осознавал, что нахожусь в состоянии чрезвычайного возбуждения. Дейв пошел за пивом, а Соня уговорила меня сесть, хотя я лучше себя чувствовал, когда ходил по комнате.

— Что случилось? — спросила Соня. Вопрос напрашивался, но сформулировать ответ я был неспособен. — С Розы все в порядке?

Только потом я оценил, насколько правильно она выбрала вопрос. Он позволил мне не только найти исходную точку происходящего, но и увидеть перспективу. С Розы было все в порядке, по крайней мере физически. Я почувствовал себя спокойнее. Разум стал брать верх над эмоциями, хаос отступал.

— Проблема не в Розы. Проблема во мне.

— Так что случилось? — вновь спросила Соня.

— У меня был срыв. Я потерял контроль над эмоциями.

— Вышел из себя?

— Откуда?

— В Австралии так не говорят? Ты не справился с эмоциями?

— Совершенно верно. Дело в том, что у меня есть некоторые проблемы с психикой. Розы я о них никогда не рассказывал.

И никому никогда не рассказывал. Я не признавал, что страдаю каким-либо психическим расстройством, если не считать депрессии, которая случилась, когда мне было двадцать с небольшим. Но я полагал, что она стала прямым следствием моей асоциальности. Я думал, что просто устроен иначе — в море человеческих отношений я был островом. Моя внутренняя логика была намного сильнее моей способности выстраивать связи с другими людьми. Не будь таких, как я, человечество жило бы без пенициллина и компьютеров. Но двадцать лет назад психиатры были готовы признать меня своим пациентом. Я всегда считал, что они ошибаются, тем более что иных диагнозов, кроме депрессии, мне не ставили, но проблема потери самоконтроля являлась слабым местом в моих доводах. Это была реакция на иррациональность, но она сама по себе была иррациональна.

Вернулся Дейв с двумя бокалами пива, один протянул мне, другой торопливо ополовинил сам. Из-за избыточного веса пиво Дейву было запрещено, кроме как на наших посиделках. Возможно, сложившиеся обстоятельства служили ему оправданием. Несмотря на то что в комнате работал кондиционер, я по-прежнему потел, и пиво помогло мне немного остыть. Соня и Дейв все-таки отличные друзья.

Дейв из соседней комнаты слышал мой рассказ о проблемах с психикой.

— Мне ты тоже ничего не рассказывал. Прости, а как называется эта твоя...

Соня прервала его:

— Прости, Дон, мы на минутку. Мне надо переговорить с Дейвом наедине.

Они вышли на кухню. Я понимал: это уловка для того, чтобы обсудить услышанное от меня в мое отсутствие. К счастью, я не из обидчивых. Дейв и Соня это знают.

Дейв вернулся один. С полным бокалом.

— Как часто это с тобой случается? Ну, потеря самоконтроля...

— Впервые с тех пор, как мы с Розы вместе.

— Ты ее ударил?

— Нет.

Я хотел сказать «конечно нет», но о чем можно судить наверняка, когда чувства берут верх над разумом? У меня был план действий на случай чрезвычайных обстоятельств, и он сработал. Больше мне гордиться было нечем.

— Толкнул? Вообще как-то задел?

— Нет, никакого насилия. Физический контакт отсутствовал.

— Дон, тут я бы должен сказать что-то вроде «Не морочь мне голову, старик», но я так не умею, ты же знаешь. Ты мой друг — поэтому просто скажи мне правду.

— Ты тоже мой друг и, следовательно, знаешь, что я не умею обманывать.

Дейв рассмеялся.

— Верно. Но, если хочешь меня убедить, смотри мне в глаза.

Я уставился на Дейва. Радужная оболочка его глаз была голубая. На удивление светло-голубая. Раньше я этого не замечал, скорее всего, из-за того, что не смотрел ему в глаза.

— Насилия не было. Возможно, я напугал соседа.

— Черт, репутация психа тебе ни к чему...

Дейв и Соня подумали, что я мог напасть на Розы, и это меня расстроило. Но я утешал себя тем, что все могло быть и хуже и они прежде всего заботились о ней.

Соня, разговаривавшая по телефону у кабинета Дейва, начала делать нам знаки свободной рукой. Она показала Дейву большой палец и даже подпрыгнула на месте от возбуждения, как ребенок.

— Боже! — закричала Соня. — Розы беременна!

У меня возникло такое ощущение, будто в комнату набилось человек двадцать. Дейв чокнулся со мной, расплескав пиво, и даже приобнял меня за плечи. Я напрягся, и Дейв торопливо убрал руку, но следом Соня сделала то же самое, а Дейв принялся хлопать меня по спине. Я чувствовал себя, как в метро в час пик. Для них моя проблема была поводом для праздника. Соня протянула мне телефон.

— Это Розы.

— Дон, с тобой все в порядке?

Розы спросила про меня. Она волновалась *обо мне!*

— Конечно. Это состояние было временным явлением.

— Дон, прости меня. Я не должна была так вываливать на тебя эту новость. Ты вернешься домой? Мне правда очень нужно с тобой поговорить. Но, Дон, я не хочу, чтобы это состояние было временным.

Розы, вероятно, подумала, что я имею в виду *ее* состояние, то есть беременность, но ее слова стали для меня источником важной информации. По пути домой — Дейв предложил подвезти меня на своем микроавтобусе — я пришел к выводу, что Розы уже решила: беременность представляет собой не проблему, а долгосрочное обстоятельство. И происшествие с апельсиновым соком подтверждало эту догадку. Она не хотела подвергать риску оплодотворенную яйцеклетку. Мне предстояло обработать огромный объем данных, и мой мозг уже начал функционировать нормально, по крайней мере в привычном режиме. Вероятно, потеря самоконтроля — это своеобразная психологическая перезагрузка, вызванная чрезмерным напряжением.

Несмотря на то что я постепенно набирался опыта в освоении социальных навыков, дальнейшее застало меня врасплох.

— Дон, — сказал Дейв, — я хотел попросить тебя об одолжении, но, наверное, сейчас не лучший момент...

«Ты совершенно прав», — подумал я, но, вслушавшись, что и каким тоном говорит Дейв, понял, что поторопился с выводами. Дейв собирался так или иначе попросить меня об услуге — он просто хотел, чтобы я избавил его от чувства вины за то, что он ждет от меня помощи, когда у меня полно других забот.

— Без проблем, Дейв.

Он заулыбался. Мне стало приятно. В десять лет я научился ловить мяч, затратив на это намного больше времени, чем мои одноклассники. Чувство, которое я испытывал сейчас, оттачивая социальные навыки, было похоже на удовлетворение, которое в детстве я испытывал всякий раз, когда мне удавалось то, что для других было обычным делом.

— Да тут ерунда, — начал рассказывать Дейв. — Я закончил пивной погреб для одного англичанина, который живет в Челси.

— Пивной погреб?

— Да, как винный, только для пива.

— Похоже, ничего необычного. Холодильное оборудование и там и там должно быть одинаковым.

— Подожди, сам все увидишь. Проект оказался довольно дорогим.

— Думаешь, он будет спорить из-за цены?

— Это странный проект, и парень странный. Мне кажется, англичане и австралийцы должны друг друга понимать. Просто мне нужна небольшая моральная поддержка. Чтобы он не вытирал об меня ноги.

Дейв замолчал, и у меня появилась возможность поразмыслить. Итак, мне дана передышка. Предположительно, Роза решила, что мое бегство связано с необходимостью

обдумать последствия ее сообщения. Непосредственно срыва она не наблюдала. И она выглядела чрезвычайно счастливой в связи со своей беременностью.

На мне все происходящее сейчас никак не должно сказаться. Завтра я пробегусь трусцой до рынка в Челси, пойду преподавать айкидо в центре боевых искусств, а после буду слушать в записи программу «Наука в Америке», вышедшую на прошлой неделе. Мы еще раз посетим уникальную выставку лягушек в Музее естественной истории, я приготовлю гёдза с тыквой, суши, мисо-суп, а на ужин — темпуру из белой рыбы, которую порекомендуют работники ресторана «Мир омара». «Свободное время», которое, по настоянию Розы, приходилось на выходные, — сейчас она использовала его для написания диссертации — я посвящу встрече с клиентом Дейва. В хозяйственном магазине куплю специальную пробку и вакуумный насос, чтобы сохранить вино, которое в обычной ситуации выпила бы Розы, а в продуктовом — соответствующее количество сока на ее долю.

Если не считать изменений в ассортименте напитков, наша жизнь останется прежней. Кроме приезда Джина, разумеется. Эту проблему еще предстояло решить.

В 21:27 я вернулся домой. Розы обняла меня и заплакала. Я посчитал, что не стоит немедленно оценивать ее поведение или добиваться разъяснений, даже если эти сведения помогут мне определиться с ответной реакцией. Вместо этого я прибегнул к тактике, рекомендованной Клодией, и изобразил персонаж Грегори Пека из «Большой страны», человека крупного и молчаливого. Для меня это несложно.

Розы пришла в себя быстро.

— Я поставила гребешки и все остальное в духовку, как только поговорила с тобой по телефону. Они должны быть готовы.

Так мог сказать только непрофессионал, но я посчитал, что еще один час в духовке уже не слишком скажется на вкусовых качествах гребешков.